

Максим Козлов

Эффект пустого экрана

Максим Козлов

Эффект пустого экрана

<https://litres.ru/74123914>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Эффект пустого экрана» — антиутопия о мире, который решился на невысказанное: отключить все экраны на десять лет.

Четырнадцатилетний Майк не помнит жизни без телефона. Но когда правительство принимает «Акт о цифровой чистоте», его привычный мир рушится в одно мгновение. Экран гаснет — и вместе с ним гаснет всё, что мальчик считал жизнью. Майка отправляют в специнтернат, где детей учат скучать, слушать тишину и смотреть на мир не через камеру. В опустевшей реальности дети начинают видеть коллективные сны — и обнаруживают в себе способность, которую экраны подавляли десятилетиями.

Но пробуждение даётся страшной ценой. Страна охвачена хаосом: те, кто хочет вернуть экраны любой ценой, объявляют войну тем, кто выбрал реальность. Майку предстоит решить, что он будет защищать: удобный сон в пикселях или пугающую, но живую действительность, где кофе пахнет небом, а любовь не требует лайков.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Максим Козлов

Эффект пустого экрана

Глава 1

Майку двенадцать, когда бабушка впервые говорит ему, что кофе пахнет небом. Он нюхает кружку и чувствует только горечь, но кивает, потому что бабушка старая и скоро умрёт. Так говорит папа. Мама молчит и трёт экран телефона большим пальцем, как будто пытается стереть с него невидимое пятно. Майк запоминает это движение. Потом он будет видеть его повсюду: в очереди в супермаркете, в метро, в зеркале, когда сам тянется к погасшему экрану, забыв, что тот мёртв.

Бабушка умирает через год. На похоронах Майк держит в руке телефон и не знает, куда смотреть. В церкви холодно, пахнет воском и старыми пальто. Священник говорит слова, которые Майк не понимает, потому что в наушниках играет музыка — что-то ритмичное, без слов, просто бит, который помогает не думать. Мама плачет. Папа держит её за локоть. Майк поднимает телефон и снимает гроб. Он выкладывает фото в общий канал, и через минуту прилетает сорок три лайка. Сорок три человека посмотрели на смерть его бабушки и нажали сердечко. Майк чувствует тепло в груди, но теп-

ло это какое-то неправильное, как будто съел слишком много сладкого и теперь тошнит.

Вечером он сидит в своей комнате, листает ленту и видит бабушкино лицо. Кто-то сделал стикер — бабушка улыбается, а снизу надпись: «споки-ноки». Майк хочет удалить, но не удаляет. Вместо этого он сохраняет стикер и закрывает приложение. Экран гаснет, и Майк видит своё отражение — лицо бледное, глаза красные от сухости, потому что он моргает редко, как все. Он думает: «Я не плакал». Он думает: «Я должен был заплакать». Он открывает приложение «ЭмоФит», которое измеряет настроение по пульсу и мимике, и видит диагноз: «Лёгкая грусть, рекомендуется видео с котами». Он смотрит видео с котами восемнадцать минут и засыпает с телефоном на груди.

Так проходит год. Так проходят все годы, которые он помнит.

Майку четырнадцать, когда принимают Акт.

Он узнаёт об этом из уведомления, которое всплывает поверх игры. Он смахивает его не глядя, потому что уведомления приходят всегда и все они одинаково бесполезны. Но потом телефон зависает. Экран становится серым, потом чёрным, и в центре появляется текст — белые буквы на чёрном фоне, как в старых фильмах, которые бабушка смотрела по воскресеньям:

«ВНИМАНИЕ. В СООТВЕТСТВИИ С АКТОМ О ЦИФРОВОЙ ЧИСТОТЕ ВСЕ ЭКРАНЫ НА ТЕРРИТОРИИ

СТРАНЫ БУДУТ ОТКЛЮЧЕНЫ ЧЕРЕЗ 10 МИНУТ. ЭТО НЕ УЧЕНИЕ. ЭТО НЕ ОШИБКА. СОХРАНЯЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ЦЕНТРЫ ОТКРОЮТСЯ ЗАВТРА В 8:00».

Майк читает сообщение трижды. Потом он перезагружает телефон. Потом он пытается открыть браузер, игру, чат — что угодно. Телефон работает, но сеть мертва. Экран показывает только время и этот текст. Через пять минут приходит ещё одно уведомление, последнее:

«ПРОЩАЙТЕ».

Майк смеётся. Это глупо. Правительство не может отключить экраны. Экран — это воздух. Экран — это глаза. Как можно отключить глаза? Он выходит из комнаты и видит, что мама стоит посреди гостиной с планшетом в руке. Планшет чёрный. Мама трёт его большим пальцем — то самое движение, которое Майк помнит с детства. Папа сидит перед телевизором, но телевизор молчит. На кухне радио бормочет что-то про временные меры, про гражданское сознание, про единство нации. Радио — это смешно. Радио никто не слушает, радио для стариков. Майк смотрит на родителей и понимает, что они не знают, что делать. Взрослые никогда не знают, что делать. Просто раньше у них были экраны, которые говорили им, что делать, а теперь экранов нет.

Он выходит на улицу.

Город шумит, но это неправильный шум. Не тот монотонный гул, к которому он привык — гул машин, музыки из на-

ушников, голосовых помощников, рекламных панелей. Этот шум состоит из криков. Люди стоят на тротуарах, держат в руках чёрные прямоугольники и смотрят на них, как будто ждут, что те оживут. Кто-то плачет. Девушка в жёлтой куртке бросает телефон на асфальт и топчет его каблуком. Парень с длинными волосами кричит в лицо полицейскому: «У меня там всё! Вся жизнь! Вы не имеете права!» Полицейский стоит спокойно, но Майк видит, как его пальцы тянутся к нагрудному карману, где обычно лежит телефон, и замирают на полпути.

Рекламный дисплей над входом в аптеку погас. Он был там всегда — огромный, яркий, он показывал людей, которые смеются и пьют витамины. Теперь это просто чёрный прямоугольник, похожий на открытую могилу. Майк смотрит на него и впервые в жизни видит небо. Небо отражается в чёрном стекле — серое, низкое, но живое. Он не помнит, когда в последний раз смотрел вверх. Наверное, никогда.

Он возвращается домой. Мама сидит на диване и смотрит в стену. Папа ходит по комнате и повторяет: «Это временно, это политика, завтра всё включат». Майк хочет сказать, что это не временно, что в уведомлении было написано «10 лет». Он прочитал это, пока телефон ещё работал. Но он не говорит. Он идёт в свою комнату и ложится на кровать. Он смотрит в потолок и понимает, что не знает, чем заняться. Он не знает, как заснуть без видео с котами. Он не знает, как проснуться без будильника в телефоне. Он не знает, как есть

без роликов про еду. Он не знает, как думать.

Ночью он просыпается от тишины. Тишина в городе всегда была наполнена — гул серверов, жужжание зарядок, вибрация уведомлений. Теперь тишина настоящая, глубокая, как вода в колодце. Майк лежит и слушает, как стучит его сердце. Он никогда раньше не слышал своего сердца. Оно стучит неровно, с перебоями, как старый мотор. Он думает: «Я умру». Он думает: «Мне четырнадцать, а я не знаю, как жить».

Утром приходят автобусы.

Они появляются на улицах одновременно по всей стране — серые, без опознавательных знаков, с тонированными стёклами. Из автобусов выходят люди в белых комбинезонах и стучат в двери. У них списки — имена, адреса, возраст. Они забирают детей. Всех детей от десяти до семнадцати. В новостях по радио говорят: «Временная мера по обеспечению безопасности несовершеннолетних в условиях переходного периода». Соседи шепчутся: «Их везут в лагеря адаптации. Чтобы не сошли с ума».

Майк стоит у окна и смотрит, как такая же серая машина паркуется у его подъезда. Мама плачет. Папа молча собирает ему сумку — одежду, зубную щётку, бумажное письмо, которое он написал ночью при свете свечи. Майк никогда не получал бумажных писем. Он кладёт его в карман куртки и не читает.

Человек в белом комбинезоне вежлив. У него усталые

глаза и спокойный голос. Он говорит: «Майк, четырнадцать лет, индекс тревожности 94 процента. Показан стандартный курс». Майк спрашивает: «Что такое курс?» Человек отвечает: «Ты научишься скучать». Майк не понимает, но кивает, как кивал бабушке, когда она говорила про кофе.

Автобус полон детей. Они сидят на пластиковых сиденьях и смотрят в чёрные телефоны. Телефоны не работают, но дети всё равно держат их в руках, как держат за руку мёртвую кошку — потому что отпустить страшнее, чем помнить, что она мертва. Майк садится у окна и видит, как город медленно исчезает за поворотом. Он думает о том, что мама так и не выпустила телефон из рук, даже когда он уходил.

Ехать четыре часа. Дорога серая, ровная, без рекламных щитов. Майк пытается считать деревья, но деревья сливаются в полосу. Он закрывает глаза и видит под веками вспышки — так бывает, когда долго смотришь в экран перед сном. Мозг всё ещё пытается показывать картинки, но картинок больше нет. Мозг не знает, чем себя занять. Майк открывает глаза и смотрит на девочку напротив. У неё короткие волосы и большие руки. Она не смотрит в телефон. Она смотрит в окно. Майк хочет спросить, как её зовут, но не спрашивает. Он забыл, как знакомятся без касания экрана.

Интернат стоит в поле. Раньше здесь была школа-пансионат для одарённых детей, но одарённых детей больше не возят учиться — их возят лечиться от экранов. Здание длинное, серое, с большими окнами без решёток. Внутри пахнет

хлоркой и старыми книгами. На стенах висят картины — настоящие, маслом, Майк никогда таких не видел. Он подходит ближе и видит, что на картине нарисовано море. Не такое, как на заставке телефона, а странное, неровное, с мазками, которые торчат в стороны, как волосы. Майк трогает картину пальцем, и краска оказывается шершавой. Он отдёргивает руку.

Детей строят в коридоре. Их много — человек двести. Разного возраста, роста, цвета кожи. У всех пустые лица и подрагивающие пальцы. Взрослые в белом ходят между рядами с планшетами, но планшеты не светятся — это просто дощечки с бумажными листами. Они записывают что-то шариковыми ручками. Майк не видел шариковой ручки с тех пор, как был маленьким.

Главный воспитатель — высокий мужчина с седыми висками и голосом, похожим на шум моря, которое Майк никогда не слышал. Он говорит: «Меня зовут Кертис. Я здесь не для того, чтобы вас учить. Я здесь, чтобы вы вспомнили». Дети переглядываются. Кто-то хихикает. Кертис поднимает руку, и хихиканье стихает. «Первое правило: никаких экранов. Второе: никакой спешки. Третье: если вам скучно — это хорошо. Скука — это дверь».

Майк запоминает эти слова, хотя не понимает их.

Их распределяют по комнатам. По двое. Майк попадает в комнату с мальчиком по имени Лука. Луке пятнадцать, он высокий, сутулый, с тёмными кругами под глазами. Он гово-

рит шёпотом, как будто боится, что их подслушивают. Первое, что он говорит Майку: «У меня есть телефон». Майк смотрит на него, и сердце делает странный скачок — надежда, страх, голод. «Где?» — спрашивает он. Лука достаёт из-под матраса старую модель, потрёпанную, с треснувшим экраном. «Здесь нет сети, но я сохранил видео. Хочешь посмотреть?» Майк хочет. Он хочет так сильно, что у него дрожат руки. Лука включает телефон, и экран загорается. Это просто экран блокировки — фотография какой-то девушки с собакой. Но Майк смотрит на него как на чудо. Свет. Цвет. Информация. Он тянется пальцем, чтобы разблокировать, и в этот момент дверь открывается.

Кертис стоит на пороге. Он не кричит. Он смотрит на телефон в руках Луки и говорит: «Ты можешь оставить его. Но ты должен знать: каждый раз, когда ты включаешь экран, ты теряешь минуту своей настоящей жизни. Ты уже потерял годы. Посчитай, сколько осталось». Он закрывает дверь и уходит. Лука смотрит на телефон. Майк смотрит на Луку. В тишине они слышат, как в коридоре часы отбивают полдень — механические, настоящие, с медленным железным звоном. Лука выключает телефон и кладёт его под матрас. «Завтра», — говорит он. «Завтра», — повторяет Майк.

Ночью Майк не может заснуть. Он лежит и смотрит в тёмный потолок. В комнате тихо, только ветер за окном и дыхание Луки. Майк думает о маме, которая сейчас, наверное, сидит на диване и трёт чёрный экран большим пальцем. Майк

думает о папе, который писал бумажное письмо при свече — Майк так и не прочитал его, оно лежит в кармане куртки, и куртка висит в шкафу. Майк думает о бабушке, которая говорила, что кофе пахнет небом. Он никогда не чувствовал этого запаха. Может быть, бабушка тоже не чувствовала. Может быть, она просто помнила небо, которого больше нет, и называла его кофе.

Он закрывает глаза и впервые за долгое время не видит под веками вспышек. Только темноту. Чистую, глубокую темноту, как вода. Он засыпает, и ему снится сон.

Сон странный. Он стоит в поле, которого никогда не видел. Трава высокая, жёлтая, ветер гнёт её к земле. Над полем висит небо — огромное, серое, с тяжёлыми облаками. Майк смотрит вверх и вдруг понимает, что облака движутся слишком быстро. Они несутся, как машины по трассе, и в их движении есть ритм, закономерность, смысл. Майк пытается понять этот смысл, но не может — не хватает слов, не хватает образов. Он просто стоит и смотрит, и страх смешивается с восторгом, как будто он стоит на краю обрыва и знает, что может полететь.

Просыпается он от звука колокола. Не электронного звонка, а настоящего колокола. Кто-то бьёт в него во дворе интерната. Солнце бьёт в окно, и Майк впервые за много лет видит рассвет без фильтров — просто жёлтый свет на серой стене, и в этом свете танцуют пылинки, как будто живые.

Лука уже встал. Он сидит на кровати и смотрит в стену.

«Мне приснился сон», — говорит он. «Мне тоже», — говорит Майк. Они смотрят друг на друга и понимают, что им приснилось одно и то же: поле, небо, облака, летящие слишком быстро. «Что это значит?» — спрашивает Лука. Майк качает головой. Он не знает. Но он знает, что сны не бывают общими. Сны — это то, что человек смотрит в одиночку, как видео в телефоне. Общие сны — это что-то другое. Что-то, чего не должно быть.

Завтрак в столовой. Каша, хлеб, вода. Вкус настоящий, не как на картинке, а как в жизни — пресный, грубый, правильный. Дети сидят за длинными столами и молчат. Многие всё ещё держат в руках невидимые телефоны, водят пальцами по столу, как по экрану. Воспитатели ходят между рядами и тихо говорят: «Ешьте медленно. Чувствуйте вкус. Смотрите на еду». Майк смотрит на кашу и видит, что она серая, с комочками. Он никогда не замечал комочков в каше, потому что никогда не смотрел на кашу — он смотрел в экран, пока ел.

После завтрака уроки. Но это не обычные уроки. Их не учат математике и истории. Их учат смотреть. Кертис стоит перед классом и говорит: «Сегодня мы будем смотреть в окно. Тридцать минут». Дети переглядываются. Кто-то поднимает руку: «А что мы должны увидеть?» Кертис отвечает: «Всё, что там есть». Дети смотрят в окно. За окном — поле, такое же, как во сне, только трава ниже и небо светлее. Майк смотрит и сначала видит только пустоту. Потом заме-

чает птицу. Птица летит неровно, как будто пьяная. Майк следит за ней глазами, пока она не исчезает за горизонтом. Потом он замечает облако — одно, маленькое, похожее на бабушкин профиль. Он смотрит на облако, и оно медленно меняет форму, и Майк думает: «Оно живое. Оно всё время было живое, а я не смотрел».

Проходит тридцать минут. Кертис спрашивает: «Кто что увидел?» Дети молчат. Потом девочка с короткими волосами, та самая, из автобуса, говорит: «Я видела, как ветер гладит траву». Кертис улыбается. «Хорошо. Завтра будем слушать тишину».

Майк выходит из класса и чувствует странную усталость, как будто он пробежал кросс. Мозг работает иначе — медленнее, тяжелее, но при этом глубже. Он идёт в комнату и достаёт из кармана куртки папино письмо. Бумага жёлтая, в линейку. Почерк у папы кривой, как птица за окном. Майк читает:

«Сынок, я не знаю, что сказать. Я не говорил с тобой по-настоящему много лет. Мы были рядом, но нас разделяли экраны. Я пишу это при свечке, как сто лет назад, и чувствую себя идиотом. Но свечка пахнет воском, а не пикселями. Может быть, это первый настоящий запах, который я почувствовал за десять лет. Я люблю тебя. Папа».

Майк складывает письмо и кладёт его обратно в карман. Он не плачет, но что-то в груди сдвигается, как будто там был камень, а теперь камень треснул. Он выходит во двор

и садится на скамейку. Рядом садится девочка с короткими волосами. Её зовут Рей. У неё серые глаза и руки в шрамах — Майк потом узнает, что она пыталась вскрыть себе вены в четырнадцать лет, но передумала на полпути. «Ты тоже видел сон?» — спрашивает она. Майк кивает. «Поле, небо, облака». «И ветер», — добавляет Рей. «Ветер был тёплый, хотя на самом деле сейчас зима». Они сидят на скамейке и смотрят, как солнце садится за серое здание интерната. Солнце оранжевое, как в забытой детской книжке. Майк думает: «Я не помню, когда в последний раз видел закат». Рей думает о том же самом — он видит это по её лицу.

На следующий день они начинают слышать голоса.

Это происходит на уроке тишины. Кертис ведёт их в пустую комнату без окон, где нет ничего, кроме стульев. «Сорок пять минут. Просто слушайте». Дети садятся и слушают. Сначала тишина просто давит на уши. Потом Майк начинает слышать своё дыхание. Потом биение сердца — то самое, с перебоями, неровное. Потом шум крови в висках. А потом, на границе между слышимым и воображаемым, он слышит голос. Голос говорит не словами, а скорее образами, ощущениями, цветами. Он зовёт его по имени — не «Майк», а как-то иначе, древнее, как будто настоящее имя длиннее и глубже. Майк открывает глаза и видит, что Рей сидит с закрытыми глазами и по её щекам текут слёзы. Лука сжимает кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Другие дети замерли — кто-то улыбается, кто-то дрожит.

Через сорок пять минут Кертис выводит их из комнаты. Он не спрашивает, что они слышали. Он говорит: «Это первый слой. Дальше будет глубже. Дальше будет страшнее. Но вы должны знать: это не болезнь. Это — пробуждение».

Ночью Майк идёт в туалет и встречается там Лука. Лука стоит перед зеркалом и смотрит на своё отражение. «Ты его слышал?» — спрашивает Лука. «Слышал». «Что он сказал?» Майк пытается вспомнить. Голос не говорил слов, но Майк знает, что он сказал: «Ты был мёртв, пока смотрел. Теперь ты жив». Он произносит это вслух, и Лука кивает, как будто понял.

Они возвращаются в комнату. Лука достаёт из-под матраса телефон и долго смотрит на него. Потом выходит во двор — ночь холодная, с ледяным ветром, какого не бывает в поле из сна. Майк идёт за ним. Лука кладёт телефон на землю и находит камень. «Ты уверен?» — спрашивает Майк. «Нет», — говорит Лука. И разбивает экран. Камень опускается снова и снова, пока от телефона не остаётся только пластиковая крошка и осколки стекла, похожие на замёрзшие слезы. Лука тяжело дышит. «Теперь я не вернусь», — говорит он. «Теперь никто не вернётся», — отвечает Майк.

Они стоят в темноте и смотрят, как ветер подхватывает крошку и уносит в поле. На горизонте появляется первая полоска рассвета — настоящего, без фильтров, без хэштегов. Майк чувствует, как холод пробирается под куртку, и понимает: он не хочет обратно. Он не хочет в мир, где кофе ни-

чем не пахнет. Он хочет стоять здесь, в ледяном феврале, и смотреть, как солнце встаёт над мёртвым полем. Потому что это поле — не мёртвое. Оно живое. Просто раньше он смотрел не туда.

Через три дня приходят первые коллективные галлюцинации.

Дети сидят в столовой, когда Рей вдруг замирает с ложкой в руке. «Огонь», — говорит она. «Где?» — спрашивает Майк. «Везде. Стены горят». Майк смотрит на стены — серые, холодные, невредимые. Но другие дети тоже начинают видеть: кто-то кричит, кто-то закрывает лицо руками. Майк смотрит на Рей и вдруг видит то, что видит она. Огонь — но не настоящий, другой, как будто само пространство дрожит и плавится. Он видит, как языки пламени лижут потолок, но не оставляют следов. Он чувствует жар — или это его воображение чувствует жар? Он не может отделить одно от другого.

Воспитатели не паникуют. Они выводят детей во двор и усаживают на траву. Кертис говорит: «Дышите. Смотрите на небо. Это не галлюцинация в том смысле, как вы думаете. Это — сон наяву. Коллективный сон». Он объясняет: экраны не просто развлекали. Экраны блокировали часть мозга, которая отвечает за связь между людьми. Ту часть, которая была у предков, когда они сидели у костра и видели одни и те же сны. Экраны создавали индивидуальную реальность для каждого, изолировали сознания друг от друга. Акт о циф-

ровой чистоте был принят не для спасения молодёжи от депрессии. Он был принят, потому что кто-то наверху знал правду: человечество теряет способность видеть будущее.

«Что вы видите сейчас?» — спрашивает Кертис. Рей смотрит на небо и говорит: «Море. Оно поднимается». Лука говорит: «Город. Разрушенный. Но люди живы». Майк смотрит на небо и видит поле — то же самое поле из сна, только теперь трава горит, а облака неподвижны. «Я вижу огонь и тишину», — говорит он. Кертис кивает и записывает что-то в свой бумажный блокнот.

Вечером Майк сидит на скамейке с Рей. «Ты веришь, что мы видим будущее?» — спрашивает она. Майк пожимает плечами. «Я не знаю, что такое будущее. Раньше будущее было — следующее видео, следующий пост, следующий день. Теперь будущее — это то, что мы видим, когда закрываем глаза». Рей берёт его за руку. Её пальцы холодные, но прикосновение настоящее — не касание экрана, а касание кожи. «Мне страшно», — говорит она. «Мне тоже», — говорит Майк. Но он врёт. Ему не страшно. Ему впервые за четырнадцать лет интересно.

Ночью ему снова снится сон. Теперь он не стоит в поле, а летит над ним. Он видит землю с высоты — изрезанную дорогами, но дороги зарастают травой. Он видит города — тёмные, без огней, но в окнах некоторых домов горит свет. Не экранный свет, а живой — свечи, костры, фонари. Он слышит голос — тот же самый, древний, глубокий: «Ты мо-

жешь выбрать. Ты всегда мог выбрать. Просто ты забыл».

Майк просыпается. Лука не спит — сидит на подоконнике и смотрит на звёзды. «Знаешь, — говорит он, — я думал, что умру без телефона. Что я не смогу дышать, не смогу есть, не смогу думать. Но вот я здесь, и я дышу, и я ем, и я думаю. И я вижу звёзды». Майк встаёт и подходит к окну. Звёзды над полем висят, как гвозди, на которых держится небо. Яркие, колючие, настоящие. Не те звёзды, что на заставке телефона, а те, что пахнут холодом и вечностью.

«Я не хочу обратно», — говорит Майк. «Я тоже», — говорит Лука.

Но их мнения никто не спрашивает. Где-то в столице сидят люди, которые приняли Акт. У них есть план. У них есть расчёт. Они знают, что через десять лет экраны можно будет включить снова. Они ждут, когда человечество пройдёт курс скуки и получит обратно свои коллективные сны. А потом они снова включают экраны, потому что экраны — это контроль. Экраны — это власть. Экраны — это прибыль.

Но они не учли одного: те, кто проснулся, не захотят засыпать снова.

Майк смотрит на звёзды и думает о папином письме. О том, что кофе пахнет небом. Он всё ещё не чувствует этот запах, но он уже знает, где его искать. Не в телефоне. Не в экране. Не в чужом посте. А здесь — в холодном воздухе февральской ночи, в шершавой коре дерева, в шрамах на руках девочки по имени Рей, которая тоже больше не хочет

умирать.

Он закрывает глаза и видит будущее. Оно горит. Но в огне кто-то стоит — человек, много людей, и они не горят. Они смотрят вверх, на небо, где нет облаков. И они улыбаются.

Глава 2

Сны становятся громче.

Это неправильное слово — «громче», потому что сны не имеют звука в том смысле, в каком звук имеет всё остальное: шаги в коридоре, звон колокола, ветер, бьющий в оконную раму. Но Майк не знает другого слова. Сны становятся громче, как будто кто-то медленно поворачивает ручку громкости на старом радио, которое бабушка держала на кухне и никогда не включала. Радио стояло просто так, пыльное и белое, как кость. Бабушка говорила: «Иногда я слушаю тишину между станциями. Там больше правды, чем в словах». Майк тогда не понимал. Теперь начинает.

На пятый день после прибытия в интернат он просыпается в четыре утра и понимает, что не один в комнате. Лука спит на своей кровати, свернувшись в клубок, как зверь, который боится, что его ударят. Но в комнате есть кто-то ещё. Не в кровати, не на стуле, не у окна. В воздухе. Как будто само пространство слегка изменило плотность, и в этом изменении кто-то стоит и смотрит. Майк не видит его глазами, но знает, что он здесь. Он садится на кровати и говорит в темноту: «Кто ты?»

Ответ приходит не словами. Ответ приходит ощущением — как будто кто-то провёл ладонью по его лицу, но ладонь эта не из плоти, а из тепла. Ощущение говорит: «Я — то, что

вы потеряли. Я — то, что экраны заслонили».

Майк хочет закричать, но не кричит. Страх есть, но он какой-то далёкий, как воспоминание о страхе, а не сам страх. Он лежит и позволяет присутствию быть. Через несколько минут присутствие ослабевает, истончается и уходит, как вода уходит в песок. Майк засыпает и видит сон, который продолжает вчерашний: он летит над землёй, но теперь он не один. Рядом летят другие — он не видит их лиц, но знает, что это Рей и Лука и ещё кто-то, кого он пока не узнаёт. Они летят молча, и земля под ними меняется: горящее поле сменяется лесом, лес — горами, горы — морем, которое поднимается и опускается, дышит, как живое.

На завтраке Лука говорит: «Сегодня ночью в комнате кто-то был». Майк кивает. «Ты тоже почувствовал?» — «Да». Они не обсуждают это подробно. В интернате начинают понимать, что слова для этого не очень подходят. Слова созданы для обозначения вещей, которые можно потрогать или увидеть на экране. Для присутствия в воздухе слов нет. Но они учатся новому языку — языку молчания, языку взглядов, языку прикосновений. Майк замечает, что Рей, когда говорит, теперь смотрит ему в глаза, а не в точку над плечом, как раньше. Он тоже старается смотреть в глаза, но это трудно — прямой взгляд обжигает, как слишком горячая вода. Приходится привыкать.

Кертис собирает их после завтрака в большом зале — том самом, где висят картины маслом. Он говорит: «Сегодня мы

начнём второй этап. Первый этап был — научиться сучать. Теперь вы будете учиться видеть». Кто-то из младших детей поднимает руку: «А разве мы не видим? У нас есть глаза». Кертис усмехается. «Глаза есть. Но вы смотрели на экраны так долго, что разучились смотреть на мир. Экран — это плоскость. Мир — это глубина. Глаза, которые привыкли к плоскости, не различают глубину. Они видят только поверхность. Вы будете учиться смотреть сквозь».

Их выводят во двор. День серый, ветреный, облака висят низко и тяжело, как мокрое бельё. Кертис раздаёт блокноты и карандаши — настоящие, деревянные, которые надо точить специальным ножом. Майк держит карандаш в руке и вспоминает, что в школе у них были стилусы, которыми водили по экрану планшета. Стилус не оставлял следа на бумаге, потому что бумаги не было. Теперь бумага есть, и она пахнет деревом и клеем.

«Задание, — говорит Кертис. — Выберите один объект. Всё равно какой — дерево, камень, забор, облако. Смотрите на него один час. В конце часа запишите всё, что увидели. Не то, что вы подумали об объекте. То, что вы увидели».

Дети расходятся по двору. Майк выбирает дерево — старый дуб, который растёт у забора интерната. Дуб толстый, морщинистый, с голыми ветками, потому что зима. Майк садится на холодную землю и начинает смотреть.

Первые десять минут — попытка. Мозг орёт, требует стимуляции, требует смены картинки. Майк чувствует физиче-

скую боль где-то в основании черепа, как будто кто-то сверлит кость. Руки трясутся, хочется вскочить, побежать, сделать хоть что-нибудь. Но он сидит и смотрит на дуб. Дуб не меняется. Дуб просто стоит.

Через двадцать минут что-то происходит. Майк замечает кору. Она не просто коричневая. Она состоит из множества цветов — серого, чёрного, зеленоватого, ржавого. В трещинах коры живёт мох — крошечный, бархатный, как зелёная пыль. Майк подходит ближе и видит, что по коре ползёт муравей. Муравей несёт что-то — крошку хлеба с завтрака, наверное. Майк смотрит на муравья и вдруг понимает: у муравья есть жизнь. Не просто факт существования, а целая жизнь — маршруты, обязанности, голод, страх, цель. Раньше Майк не думал о муравьях. Муравьи были частью фона, как реклама в приложении — ты её видишь, но не замечаешь.

Через сорок минут он видит ветер. Не сам ветер, конечно, — ветер невидим. Но он видит, как ветер трогает ветки дуба, и в этом прикосновении есть ритм, музыка, почти голос. Дуб скрипит, и скрип этот не хаотичный, а упорядоченный — он состоит из нот, длинных и коротких, и если слушать долго, они складываются во что-то похожее на мелодию. Майк закрывает глаза и слушает дуб. Дуб поёт — низко, медленно, на языке, который старше человеческой речи.

Через час он записывает в блокноте: «Дуб живой. Он дышит. Он двигается, просто очень медленно. В его коре живут муравьи. В его ветках поёт ветер. Я никогда не видел дерева

раньше».

Рей выбирает облако. Она лежит на спине прямо на мёрзлой траве и смотрит вверх, пока шея не затекает. В своём блокноте она пишет: «Облако — это вода. Я знала это из учебников, но я никогда не видела, что облако — это вода. Оно меняется каждую секунду. Оно умирает и рождается одновременно. Оно похоже на мысли, которые не успеваешь додумать».

Лука выбирает забор. Старый деревянный забор, краска облупилась, доски рассохлись. Он пишет: «Забор сгнил. Но в гнилых досках что-то живёт — жуки или грибы. Смерть забора — это жизнь для кого-то ещё. Это честно».

Вечером они сидят в комнате и читают друг другу свои записи. Бумага шуршит. Слова звучат странно, потому что их произносят вслух, а не печатают и отправляют в чат. Звук голоса в пустой комнате без эха экранов — это тоже новое ощущение. Майк читает про дуб и чувствует, как горло сжимается. Он не плачет — он давно не плакал, с похорон бабушки, да и то не по-настоящему. Но что-то внутри сдвигается всё сильнее, камень трескается дальше, и в трещину просачивается свет.

Ночью они снова видят общий сон. Теперь он подробнее, резче, как будто кто-то настроил резкость в объективе. Они стоят на берегу моря — все вместе, человек двадцать из интерната. Море серое, холодное, но не враждебное. Волны накатывают на песок и отступают, оставляя пену и мокрые кам-

ни. На горизонте что-то есть — какая-то тёмная масса, не то остров, не то облако. Рей говорит во сне: «Это будущее». И все просыпаются одновременно.

Утром Кертис просит их рассказать сны. Он сидит за столом с бумажным блокнотом и записывает каждое слово. Когда Майк описывает тёмную массу на горизонте, Кертис останавливается и смотрит на него долгим взглядом. «Вы все видели одно и то же?» — спрашивает он. Дети кивают. Кертис откладывает карандаш и молчит. Потом говорит: «Раньше для такого требовались годы тренировки. У монахов в горах. У шаманов в тундре. У вас — пять дней».

Он не говорит «это хорошо» или «это плохо». Он просто констатирует факт. Но Майк слышит в его голосе что-то похожее на страх. Не страх перед детьми. Страх перед тем, что дети могут.

Днём они учатся слушать тишину — снова. Но теперь Кертис усложняет задание. «Сегодня мы будем слушать не просто тишину. Сегодня мы будем слушать тишину друг друга». Он расставляет стулья по кругу и сажает детей лицом друг к другу. «Смотрите на человека напротив. Не отводите взгляд. Дышите. Слушайте его тишину».

Майк садится напротив Рей. Она смотрит на него своими серыми глазами — спокойно, прямо, без защиты. Майку хочется отвести взгляд, но он держит. Сначала он видит просто девочку — короткие волосы, острые скулы, шрамы на запястьях, которые она больше не прячет. Потом он начина-

ет видеть что-то ещё. Не ауру, не свечение — просто слои. Как будто Рей состоит из нескольких прозрачных пластин, наложенных друг на друга. Верхняя пластина — та, что говорит, смеётся, ест кашу. Под ней — другая, испуганная, та, что пыталась вскрыть вены. Под ней — третья, совсем юная, та, что когда-то верила, что мир добрый. И под всем этим — четвёртая, самая глубокая, древняя, не имеющая возраста. Она смотрит на Майка из глубины Рей, и Майк понимает, что эта четвёртая Рей знает его. Знала всегда. Знала до того, как они встретились в автобусе, до того, как они родились, до того, как появились экраны.

Он открывает рот, чтобы сказать что-то, но Рей качает головой: не надо. Она тоже видит его слои. Она видит его насквозь. Это страшно и одновременно облегчение — как будто ты всю жизнь носил тяжёлую одежду, а теперь кто-то разрешил её снять.

После упражнения Кертис говорит: «То, что вы видите друг в друге, — это не галлюцинации. Это реальность, которую экраны отфильтровывали. Человек — не аватар. Человек — не фотография. Человек — глубина. Экраны показывают только поверхность. Вы привыкли судить по поверхности. Теперь вы учитесь видеть настоящее».

Лука спрашивает: «А почему экраны вообще появились, если они всё портят?»

Кертис долго молчит. Потом говорит: «Экраны появились не чтобы портить. Они появились чтобы защитить». «От че-

го?» — спрашивает Майк. Кертис смотрит на него, и Майк видит, что у Кертиса тоже есть слои. Верхний слой — спокойный воспитатель. Под ним — усталый человек, который давно не спит. Под ним — кто-то, кто знает больше, чем говорит.

«От коллективного сна», — отвечает Кертис. «Человечество всегда видело общие сны. Так работало наше сознание до изобретения письменности, до религий, до науки. Мы были единым организмом, который спит и видит будущее. Но потом что-то случилось. Сны стали кошмарами. Люди начали сходить с ума от того, что видели. И тогда появились первые экраны — не такие, как сейчас, примитивные: витражи в соборах, цветные стёкла, которые рассеивали свет. Потом книги. Потом кино. Потом телефоны. Каждое изобретение делало одно и то же: оно блокировало коллективный сон. Оно давало человеку индивидуальную картинку, чтобы он не видел общей. Экраны — это обезболивающее. Акт о цифровой чистоте — это отмена обезболивающего. Мы хотели посмотреть, что будет, если человечество снова начнёт видеть общие сны. Теперь мы смотрим».

В комнате тихо. Слышно, как за окном дуб скрипит на ветру. Слышно, как в коридоре чьи-то шаги — размеренные, спокойные, несущие новую порцию тишины.

«Это опасно?» — спрашивает Рей. «Да», — говорит Кертис. «Но не так опасно, как никогда не просыпаться».

На следующий день приходит первое письмо из внешне-

го мира. Почтальон — настоящий почтальон на велосипеде, как в старых фильмах — привозит мешок писем. Дети сидят в столовой и ждут, когда назовут их имена. Некоторые получают по несколько писем, некоторые — ни одного. Майку приходит одно. От мамы.

Он открывает конверт. Бумага внутри мятая, с маслянистыми пятнами. Почерк у мамы ещё хуже, чем у папы — буквы прыгают, как будто она писала в темноте или в слезах. Майк читает:

«Майк, я не знаю, как писать письма. Я забыла. Я пыталась вспомнить, но в голове только текст из мессенджеров — короткий, рубленый, без знаков препинания. Я сижу с этой бумагой третий день. Твой отец говорит, что нужно писать от руки, потому что по-другому сейчас нельзя. Я ему верю, но рука устаёт. Ты знаешь, что мы не включали телевизор даже до Акта? Мы просто сидели каждый со своим телефоном и смотрели разное. Ты смотрел своё, я своё, папа своё. Мы были в одной комнате и в разных мирах. Теперь мы в одной комнате и в одном мире, и это страшно. Мы не знаем, о чём говорить. Мы сидим и молчим, и я смотрю на твоего отца и понимаю, что забыла цвет его глаз. У него серые глаза. Я забыла. Что ещё я забыла? Я хочу, чтобы ты вернулся. Я хочу, чтобы ты никогда не возвращался, если там лучше. Я не знаю, чего я хочу. Мама».

Майк складывает письмо и кладёт его в карман куртки, рядом с папиным. Два письма — две жизни, которые он не

знал. Мама забыла цвет глаз отца. Майк не помнит, когда в последний раз смотрел в глаза кому-либо до интерната. Наверное, никогда. Он помнит аватарки, фотографии, стикеры. Но не глаза.

Он выходит во двор и садится под дубом. Дуб скрипит, и Майк слушает его песню. К нему подходит Рей. Она не спрашивает, что в письме. Она просто садится рядом и берёт его за руку. Они сидят вдвоём под зимним деревом, и Майк чувствует, как тепло её ладони проникает сквозь его холодные пальцы, сквозь кожу, сквозь слои. Это не экранное тепло. Это живое.

Вечером Кертис объявляет: «Завтра вы встретитесь с теми, кто не попал в интернат. Волонтёры из ближайшего города. Они живут без экранов уже неделю, сами, без подготовки. Посмотрите на них и скажите, кого вы видите».

Волонтёры приезжают утром на старом автобусе. Их человек тридцать — взрослые, подростки, даже один старик с палкой. Они выходят из автобуса и озираются, как звери, которых выпустили из клетки. У них дёргаются руки. У них бегают глаза. Они говорят громко и слишком быстро, как будто боятся, что тишина их убьёт.

Майк смотрит на них и видит то, чего не видел в детях из интерната. У волонтёров нет глубины. Точнее, глубина есть, но она закрыта — запечатана, как банка с крышкой. Майк пытается смотреть сквозь, как учил Кертис, но упирается в невидимую стену. Эти люди всё ещё внутри экранов,

даже когда экранов нет. Их сознание продолжает прокручивать ленту, которую больше некуда выкладывать. Они говорят о том, что «скоро всё это закончится и мы вернёмся к нормальной жизни». Они спрашивают, есть ли здесь Wi-Fi — просто на всякий случай, просто чтобы знать.

Майк знакомится с парнем по имени Том. Тому семнадцать. У него дорогая куртка и пустые глаза. Он говорит: «Я тут подумал: это же эксперимент, да? Они изучают, как мы будем без экранов. А потом напишут статью и всё вернут. Я хочу стать частью исследования. Может, заплатят». Майк слушает его и понимает: Том не видит снов. Том не слышит тишину. Том просто ждёт, когда снова включат экраны, чтобы продолжить жить.

«Что ты делал всю неделю?» — спрашивает Майк. «Спал, — говорит Том. — Много спал. И ходил по комнате. Пытался вспомнить, чем занимался до того, как у меня появился первый телефон. Но я не помню. Мне было четыре года, когда мне подарили планшет. До планшета ничего нет». Он смеётся, но смех получается ломкий, как сухая ветка.

Ночью после отъезда волонтеров Майк лежит без сна и думает о Томе. Том — это то, чем Майк мог бы стать, если бы не интернат. Том — это то, чем он был ещё неделю назад. Человек без прошлого, человек без глубины, человек-аватар. Майк вспоминает, как сам смеялся над уведомлением об Акте. Как думал, что умрёт без телефона. Прошла всего неделя, а теперь он не может представить, как жил с телефоном.

Как дышал этим воздухом — спёртым, нагретым, лишённым запаха неба.

Он засыпает и видит сон. Теперь он стоит на берегу моря, и тёмная масса на горизонте приблизилась. Теперь видно, что это не облако. Это волна. Гигантская волна, выше гор, выше неба, и она движется к берегу. Майк стоит и смотрит на неё. Ему не страшно. Рядом стоят Рей и Лука и все остальные, и они тоже не боятся. Волна накрывает их, но не убивает. Она проходит сквозь них, как вода сквозь пальцы, и отступает, оставляя на песке что-то новое — не предмет, не знак, а знание. Знание того, что будет.

Утром Майк просыпается и знает: экраны не включают через десять лет. Их не включают никогда. Потому что к тому времени те, кто видит сны, изменят мир так сильно, что экраны станут не нужны. Или потому что человечество вымрет, разорванное между теми, кто проснулся, и теми, кто спит.

Он не знает, какой вариант лучше. Но он знает, что выбор уже сделан — не им, а тем присутствием в воздухе, тем голосом в тишине, той волной в коллективном сне. Он просыпается окончательно и видит, что Лука сидит на подоконнике, как обычно, и смотрит на звёзды. Но сегодня на подоконнике сидит не только Лука. Рядом с ним, отражаясь в стекле, мерцает что-то прозрачное, почти невидимое — то самое присутствие из ночи. Оно приняло форму, и форма эта напоминает человека. Но не совсем человека — скорее, идею человека, чертёж, по которому люди были созданы ко-

гда-то, до экранов, до письменности, до слов.

«Ты его видишь?» — спрашивает Лука. «Вижу», — говорит Майк. «Он говорит, что это только начало». «Я знаю», — говорит Майк. «Он говорит, что будет больно». «Я знаю».

Присутствие поворачивается к ним — медленно, как будто движется сквозь воду. У него нет лица, но Майк чувствует, что оно улыбается. Не радостно. Печально и ободряюще одновременно. Как бабушка, когда говорила про кофе и небо.

Майк вспоминает кофе. Он не пил кофе с тех пор, как приехал в интернат, — здесь дают только травяной чай. Но он вдруг чувствует запах. Тонкий, горьковатый, глубокий. Запах заполняет комнату, проникает в лёгкие, в кровь, в память. Это запах бабушкиной кухни, запах утра, которого он никогда не видел, потому что утром всегда смотрел в телефон. Это запах неба.

Он садится на кровати и смотрит на присутствие. Присутствие смотрит на него. Между ними — воздух, наполненный запахом кофе и тишиной. И Майк понимает, что третий этап обучения уже начался. Он начался не по расписанию Кертиса, а по своему собственному расписанию. И он будет сложнее, чем скука. И сложнее, чем видение.

Он будет про выбор.

Где-то вдалеке, в городе, который остался за полями, мама просыпается и чувствует тот же запах. Она открывает глаза и видит, что папа смотрит на неё — впервые за много лет он смотрит на неё, а не в телефон, которого больше нет. Она

видит цвет его глаз. Серые. Как она могла забыть?

Где-то ещё дальше, в столице, люди в серых костюмах сидят в кабинете без окон и смотрят на бумажные графики. Графики показывают, что эксперимент выходит из-под контроля. Они не планировали, что коллективные сны начнутся так быстро. Они думали — годы, может быть, десятилетие. Они ошиблись. Они всегда ошибаются, когда дело касается того, что не укладывается в экран.

А в интернете, в комнате на втором этаже, двое мальчиков и прозрачное присутствие смотрят друг на друга в предрасветной тишине. И где-то в глубине Майка четвёртый слой — самый древний, самый настоящий — произносит слова, которые он пока не может услышать сознанием, но которые уже отпечатываются в коллективном сне:

«Добро пожаловать обратно».

Глава 3

На десятый день Майк перестаёт считать дни.

Это происходит не специально. Просто утром он просыпается и понимает, что не помнит, какое сегодня число. Раньше число всегда было перед глазами — на экране блокировки, в углу приложения, в уведомлении. Число было важно. Число определяло, когда дедлайны, когда выход новых серий, когда дни рождения людей, с которыми он никогда не говорил. Теперь числа нет. Есть свет за окном — серый, но другой серый, чем вчера. Есть тишина — густая, но другой густоты.

Он садится на кровати и видит, что Лука уже встал. Лука стоит у окна и держит в руке что-то маленькое, блестящее. Осколок телефона — того самого, который он разбил камнем в первую неделю. Майк думал, что Лука выбросил осколки, но Лука сохранил один. Он держит его на ладони и смотрит, как свет играет на треснувшем стекле.

— Я не скучаю по нему, — говорит Лука. — Я скучаю по тому, кем я был, когда он работал.

— Кем ты был?

— Никем. В этом и дело. Быть никем легко. У ника нет обязанностей. Ник не должен видеть сны и чувствовать запахи, которых нет.

Майк кивает. Он понимает. Быть никем — это свобода, которую давали экраны. Ты не отвечаешь за реальность. Ты

не чувствуешь чужую боль. Ты не знаешь, что будет завтра. Экран — как тёплая вода в ванне: можно лежать часами, пока кожа не сморщится, и не думать о том, что вода остывает.

— Что ты будешь с ним делать? — спрашивает Майк, глядя на осколок.

Лука открывает окно. Морозный воздух врывается в комнату, и Майк чувствует запах — не кофе, не неба, а чего-то другого: мокрой земли, хотя земля мёрзлая, и дыма откуда-то издалека. Лука размахивается и выбрасывает осколок в поле. Осколок летит недолго и падает в серую траву. Лука закрывает окно.

— Теперь его нет, — говорит он. — Совсем.

Это неправда. Осколок всё ещё лежит в траве, и если сильно захотеть, его можно найти. Но они оба знают, что Лука имеет в виду. Он выбросил не осколок. Он выбросил возможность вернуться.

Завтрак в столовой. Каша теперь другая — овсяная, с кусочками яблок. Майк ест медленно, чувствуя текстуру на языке: мягкое, твёрдое, сладкое, пресное. Он смотрит на Рей, которая сидит напротив. Она тоже ест медленно. Между ними теперь есть связь — невидимая нить, которая натягивается, когда они смотрят друг на друга. Майк не знает, как это работает. Он знает только, что если сосредоточиться, можно почувствовать вкус яблока у неё во рту. Не представить, а именно почувствовать — как будто их нервные системы начали сливаться.

После завтрака Кертис не приходит. Вместо него приходит женщина — высокая, с седыми волосами, собранными в тугую узел. У неё лицо человека, который много видел и мало говорил. Она представляется: доктор Ханна. Невролог, психиатр, специалист по коллективным психозам. Она говорит, что будет вести наблюдение за их состоянием.

— Вы уникальная группа, — говорит она. — Обычно для формирования коллективного зрительного опыта требуются месяцы сенсорной депривации. У вас это заняло десять дней. Мы пытаемся понять, почему.

— Может, мы просто долго были в отключке, — говорит кто-то из старших. — Как в коме. А теперь проснулись.

Доктор Ханна записывает это в блокнот. Она всегда записывает. Майк замечает, что она никогда не смотрит в глаза. Она смотрит на лоб, на переносицу, на точку над плечом. Как все люди из внешнего мира. Она боится прямого взгляда.

— Расскажите мне о своих снах, — просит она.

Дети рассказывают. Про море, про волну, про тёмную массу на горизонте. Про полёт над землёй. Про голос, который говорит без слов. Доктор Ханна пишет и пишет, и карандаш скрипит, как мышь за стеной.

— Вы понимаете, что то, что вы описываете, не является нормальным сном? — спрашивает она. — Сон — это хаотичная активность мозга. Бессвязные образы. Ваши сны слишком структурированы. Слишком последовательны. Это больше похоже на... — она замолкает, подбирая слово. — На

трансляцию.

— Трансляцию чего? — спрашивает Майк.

— Мы не знаем. Возможно, ваши мозги нашли способ синхронизироваться без внешнего сигнала. Возможно, вы создаёте общую реальность, чтобы заполнить пустоту, оставленную экранами. Или... — она снова замолкает. — Или вы принимаете сигнал извне.

— Откуда извне?

Доктор Ханна смотрит в свой блокнот. Она не отвечает. Но Майк уже знает ответ. Извне — это оттуда, где присутствие. Из того слоя реальности, который экраны блокировали. Из глубины, которую они теперь видят в вещах и друг в друге.

После занятия Майк выходит во двор. Дуб стоит на своём месте, скрипит, дышит. Майк садится под ним и закрывает глаза. Он пытается вызвать присутствие специально — не ждать, пока оно придёт, а позвать его. Он сосредотачивается, как учил Кертис: дыхание медленное, мысли отпущены, внимание направлено внутрь. Сначала ничего. Потом он чувствует знакомое изменение плотности воздуха. Кто-то садится рядом — не на землю, а как будто в воздух, в сантиметре от земли. Майк открывает глаза и видит его.

Присутствие теперь более чёткое. У него есть форма — человеческая, но не совсем. Плечи слишком широкие, голова слишком вытянутая, конечности длиннее, чем нужно. Но пропорции не уродливые — они просто другие, как будто

это человек, спроектированный по иному лекалу. Лица всё ещё нет, но есть направление взгляда. Присутствие смотрит на Майка.

— Кто ты? — спрашивает Майк вслух.

Ответ приходит не в уши, а прямо в мозг — как будто кто-то печатает текст прямо на изнанке его век.

«Те, кто был до экранов. Те, кто останется после. Вы называли нас по-разному. Сны. Духи. Предки. Мы не духи. Мы — вы, когда вы не смотрите в сторону».

— Я не понимаю.

«Ты поймёшь. Скоро. Когда волна придёт во второй раз».

— Какая волна?

«Та, которую ты видел. Она придёт не во сне. Она придёт в мир. Она уже идёт».

Майк чувствует холод, не связанный с зимним воздухом. Холод идёт изнутри, от слов присутствия. Волна из сна — настоящая? Она разрушит города, убьёт людей? Или это метафора, символ, что-то, что можно понять неправильно?

— Что мне делать? — спрашивает он.

«Выбирать. Ты всегда выбираешь. Даже когда не знаешь об этом».

Присутствие истончается, тает, как утренний туман. Майк остаётся под дубом один. Ветка скрипит. Ветер гладит траву. Из интерната доносится звон колокола — обед.

За обедом Майк рассказывает Рей и Луке о разговоре. Они не удивляются. У них тоже были контакты — у Рей но-

чью, у Луки на рассвете. Присутствие говорит с каждым по-своему, но суть одна: что-то идёт. Что-то изменилось, когда отключили экраны. Что-то, что не включают обратно.

— Кертис знает больше, чем говорит, — произносит Рей.
— Доктор Ханна тоже. Они изучают нас не для науки. Они чего-то ждут.

— Чего?

— Я не знаю. Но я видела её сны.

Майк и Лука переглядываются. Рей видит сны других людей — не только детей из интерната, но и взрослых. Это началось два дня назад. Она говорит, что это похоже на радиоприёмник, который ловит чужие станции. Сны доктора Ханны, по словам Рей, тревожные и зацикленные: она видит детей, которые стоят в кругу и смотрят в небо, а из неба спускается что-то огромное и светящееся. И она просыпается в ужасе, хотя лицо её остаётся спокойным.

— Она боится нас, — говорит Рей. — Или того, что мы можем сделать.

— Что мы можем сделать?

— Разбудить остальных.

Дни идут. Двенадцатый, тринадцатый, может быть, четырнадцатый — Майк не уверен. Он помнит сны, помнит упражнения, помнит вкус еды и цвет неба, но числа ускользают, как вода сквозь пальцы. В интернате вводят новый предмет: «История экранов». Его ведёт Кертис.

— Первый экран, — говорит он, стоя перед чёрной доской

с мелом, — появился не в двадцатом веке. Первый экран — это стена пещеры, на которой рисовали охотников и зверей. Это был способ зафиксировать реальность, отделить её от потока времени. Посмотреть на неё со стороны. Человек посмотрел на мамонта, нарисованного на стене, и перестал бояться мамонта живого. Он подчинил его взглядом. Это был первый акт контроля.

Он рисует на доске схему: глаз — стена — мамонт. Затем перечёркивает мамонта и пишет: «Реальность».

— Потом были книги. Книга — это тоже экран, только бумажный. Она показывает вам мир, которого нет перед глазами. Она уводит вас от вашей собственной жизни в чужую. Книги дали человечеству эмпатию, воображение, науку. Но они же начали разрушать коллективный сон. Читающий человек спит один. Его сны принадлежат только ему. Община распадается на индивидов.

— Но книги — это же хорошо? — спрашивает кто-то.

— Хорошо и плохо — неправильные слова, — говорит Кертис. — Книги дали нам Шекспира. Они же дали нам возможность не смотреть друг на друга за обедом. Всё есть обмен. Вы получаете что-то, теряя что-то другое.

Он рисует дальше: кино, телевидение, компьютеры, смартфоны. Каждый этап — это усиление экрана, его приближение к глазу. Сначала экран был на стене пещеры — далеко. Потом на столе — ближе. Потом в руке — ещё ближе. Потом на сетчатке, в линзах, в мозговом импланте —

последняя модель, которую не успели выпустить до Акта.

— Финальная стадия — экран внутри головы, — говорит Кертис. — Полное слияние человека и изображения. Человек становится экраном. Он транслирует, а не живёт. Он потребляет, а не чувствует. Акт был принят за месяц до того, как первый нейроэкрэн должен был выйти на рынок. Вы знаете, почему?

Дети молчат.

— Потому что нейроэкрэн сделал бы пробуждение невозможным, — тихо произносит Рей. — Если экран внутри, его не выключишь снаружи.

Кертис смотрит на неё и медленно кивает.

— Акт — это не наказание. Акт — это последний шанс.

Вечером Майк сидит в комнате и перечитывает папино письмо. Он знает его наизусть, но продолжает перечитывать — потому что каждое прочтение даёт что-то новое. Сегодня он замечает деталь, которую пропускал раньше. Папа пишет: «Свечка пахнет воском, а не пикселями». Но что такое «пахнет пикселями»? Пиксели не имеют запаха. И тут Майк понимает: папа описывает не запах. Он описывает отсутствие. Экран не пахнет ничем, и в этом его главное свойство — он лишает мир запаха, вкуса, текстуры. Он заменяет всё это картинкой. И человек забывает, что мир пахнет. Что у мамы есть запах — духов, пота, стирального порошка. Что у дуба есть запах — коры, мха, времени. Что у кофе есть запах неба.

Майк достаёт из тумбочки чистый лист бумаги — им вы-

дают бумагу для писем — и начинает писать ответ. Он пишет маме. Не папе — с папой он поговорит позже. Маме. Потому что мама забыла цвет глаз отца, и это самое страшное, что Майк может представить. Он пишет:

«Мама, здесь учат смотреть. Это больно, но это работает. Я вижу цвета, о которых не знал. Я слышу тишину, и в ней есть голоса. Я знаю, что это звучит как сумасшествие. Может быть, это и есть сумасшествие. Но мне кажется, что раньше я был сумасшедшим, а теперь выздоравливаю.

Посмотри на папу. Посмотри ему в глаза. Не через экран — экранов больше нет. Просто подними голову и посмотри. Ты увидишь не только цвет. Ты увидишь человека, которого любила когда-то. Он всё ещё там.

Я не знаю, когда вернусь. Может быть, никогда. Здесь происходит что-то, чего я не понимаю, но что важнее возвращения. Я люблю тебя. Я никогда не говорил этого без смайликов. Теперь говорю.

Майк».

Он запечатывает письмо в конверт — они лежат в ящике у входа, бесплатные, с маркой и адресом интерната. Завтра придёт почтальон на велосипеде и заберёт его. Письмо поедет в город, где мама сидит на диване и трёт чёрный экран большим пальцем. Может быть, она прочитает его и поднимет голову. Может быть, нет. Майк не контролирует это. Он просто отправляет слова, как отправляют бутылку в море.

Ночью им снятся чужие сны.

Это первый раз, когда коллективный сон захватывает не только детей из интерната, но и кого-то ещё. Майк видит город — тот самый город, откуда приезжали волонтёры. Улицы пусты, но в окнах горит свет — свечи, керосинки, костры во дворах. Люди сидят в своих квартирах и не знают, чем себя занять. Кто-то читает бумажные книги, найденные на антресолях. Кто-то играет в шахматы, стёртые от пыли. Кто-то просто сидит и смотрит в стену ждёт, когда всё кончится. Но есть и другие — те, кто начинает просыпаться. Они стоят на балконах и смотрят на звёзды. Они берут друг друга за руки. Они плачут без причины — или по причине, которую они только начинают осознавать.

Волна приходит в этот сон внезапно.

Она поднимается из-за горизонта — над городом, над домами, над трубами заводов. Она выше небоскрёбов, выше облаков, выше самого неба. Она сделана из света и звука, но свет этот не слепит, а звук не оглушает. Волна проходит через город, и там, где она проходит, люди замирают. Они не умирают — они останавливаются, как будто время для них поставили на паузу. А потом они начинают видеть. Все одновременно. Все одно и то же.

Майк просыпается в холодном поту. Лука уже не спит.

— Ты видел?

— Видел.

— Это случится?

— Я не знаю. Присутствие сказало — волна придёт. Мо-

жет быть, это метафора. Может быть, нет.

— А если нет? Если она настоящая? Что нам делать?

Майк не отвечает. Он смотрит в окно, где над полем висят звёзды — те же, что и вчера, те же, что и сто лет назад. Звёзды не изменились. Звёздам всё равно, есть экраны или нет. Они просто висят и светят.

Утром они узнают, что сон видели не только они.

За завтраком доктор Ханна зачитывает сводку из внешнего мира, которую привозят с почтой. В городе N. зафиксированы массовые случаи одинаковых сновидений. Люди просыпаются и описывают одно и то же: волна, свет, остановка времени. Власти называют это массовой истерией. Газета — да, теперь снова выпускают газеты, на бумаге, пахнущие типографской краской, — называет это «Синдром отмены экранов». Но доктор Ханна смотрит на детей и говорит:

— Вы тоже это видели. Я знаю. Расскажите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.